

Глава 1.

Он никогда не был удачливым человеком. Так начинаются многие истории и так же начинается и эта. Он родился в пятницу тринадцатого, в день, когда шел ливень и град. Уже один лишь этот факт намекал на то, что судьба у него будет не простой.

Видимо, так же думала и мать.

Обычная, уличная дурочка, залетевшая от такого же не облагороженного интеллектом “правильного пацана”. Они бросили его на порог местной больницы. Не положили, а именно бросили из проезжающей мимо машины. Боялись, что увидят или еще чего-нибудь в этом роде. Так что не стоит удивляться, что буквально с рождения он оказался прикован к постели, будучи способным пошевелить лишь правой рукой.

Наверное, с переломанным позвоночником, черепномозговой травмой он не должен был долго прожить. Но вот только он решил иначе. Решил, что будет ждать.

Его определили в специальный детский дом. Там он существовал до двенадцати лет. Вечно один, в маленькой каморке. Иногда к нему заглядывали другие обитатели дет.дома.

Они считали, что умеют отлично шутить над ним. На тем, как он не мог говорить и только забавно дергал рукой, когда они играли с ним в свои игры. Надо ли уточнять, что он никогда не выигрывал.

Кроме них пару раз в день заходила работница. Она мыла его, чистила и меняла белье. Часто ругалась. Сетовала на жизнь и на то, что ей выпало ухаживать за овощем. Порой, когда у неё было совсем плохое настроение, она его била.

Но он все равно собирался выжить.

Назло всем.

В двенадцать ему впервые ненадолго улыбнулась удача. В дет.дом приехала делегация в составе которой был и известный магнат. Он тут же решил использовать “овощ” в своих целях. Определил в отличную клинику, в палату по размерам большую, нежели многие квартиры. Примерно раз в месяц приходил с прессой, дарил подарки и, вероятно, очень успешно уходил от налогов.

Так изменилась его жизнь.

Его вкусно кормили, с ним общались улыбчивые психологи, частенько заходили другие пациенты. Кто-то смертельно больной, другие - недавно кого-то потерявшие. Он, не будучи способным говорить, хорошо умел слушать.

Но, тем не менее, единственным его другом оставалась музыка. Он слушал её все время. Когда ел, когда читал, даже когда кто-нибудь выговаривался ему в очередной раз.

В шестнадцать ему поставили отличный ноутбук со специальным софтом. Теперь он мог общаться. Он печатал, ноутбук говорил. Посетителей сразу убавилось. Остались лишь усталые, но улыбчивые санитары.

Тогда он начал писать. Нет, не книги или картины - а музыку. Надо ли говорить, что магнат приложил все усилия, чтобы парализованный музыкант под его опекой стал медиа-звездой.

К восемнадцати, его музыку ежедневно скачивали сотни тысяч людей. Деньги ему были не нужны и ими с радостью распорядился магнат. Говорил, что на благотворительность. Но вряд ли.

Все изменилось в тот день. Он лежал в постели, впрочем - не чувствовал этого. Правой рукой, он повернул собственную голову к окну. Там, у подножия холма вдалеке сверкали огни города.

- Не спишь? - прозвучало совсем рядом.

Он повернул голову обратно. От этого новых посетителей всегда передергивало, впрочем, не этого мужчину. Лет сорока, может больше, с волевым подбородком и ясным, светлым взглядом.

- Вы кто? - спросил механический голос. - Кто вас сюда впустил?

Он терпеть не мог, когда к нему заходили без стука. Так он чувствовал себя еще более беспомощным.

- О, не переживай, я здесь работаю, - мужчина сел на край огромной кровати. Это раздражало еще больше. - Мы не виделись - я с седьмого этажа.

- Отдел нейрохирургии?

- И био инженерии.

Таких санитары называли "Франкенштейнами". Интересно, что потребовалось одному из ученых от простого калеки. Просто, немного известного.

- А так же я местный главный врач, - белоснежная улыбка тоже не радовала. - доктор Павел Коваль.

Павел протянул руку. Он её пожал.

- Сильное рукопожатие, - пробурчал врач, слегка разминая ладонь.

Он мысленно улыбнулся. Когда ты все, абсолютно все делаешь только лишь одной конечностью - она развивается намного сильнее, нежели у других. Что-то вроде особо чуткого слуха у слепых.

- Пожалуйста, к делу, - произнес механический голос. - Я не очень большой фанат... светских бесед.

Надо было сказать, что и особым фанатом людей он тоже не был. Тяжелое детство и все такое.

- Совсем как мне и говорили, - белая улыбка могла поспорить даже со столь же белыми стенами. - У меня к тебе есть предложение.

- Простите, я пока не думал о жизни женатого человека. Плюс, вы не в моем вкусе.

Дурацкие шутки всегда были его защитным механизмом. Они отталкивали людей лучше, чем все остальное. Никто не любит, когда кто-то глупо и неумело шутит. Впрочем, врач

рассмеялся.

Он хотел, чтобы Павел поскорее ушел. Ему еще нужно было дописывать сет для нового релиза.

- Что ты знаешь о нейросетях? - спросил Коваль.

- Только то, что пишут в фантастике, - на экране пожал плечами специальный смайлик. - Что-то вроде нейро-интерфейса.

- Примерно так, - кивнул врач. - Это что-то вроде дополнительной нервной системы.

На экране смайлик приподнял брови.

- Вы считаете...

- Что если операция пройдет успешно, то, возможно, вы сможете ходить и говорить. Не сразу, придется пройти длительную и болезненную реабилитацию. Возможно, это займет несколько лет, но...

- Я согласен.

- Но...

- Я согласен! - грохнул металлический голос.

Коваль посмотрел в бездонные, решительные глаза человека, не способного даже повернуть голову. И, несмотря ни на что, в этих глазах не было ни капли сомнений.

- Тогда, как-только мы уладим все бюрократические проблемы, то можем приступить.

С этого момента потянулись длительные и весьма людные дни ожидания. К нему приходили различные специалисты. Они облепляли его голову различными датчиками, делали тесты, проверяли какие-то там заумные параметры.

У него взяли столько анализов, что, наверное, посочувствовали бы и космонавты. Доходило до абсурда - брали срез ногтя. Причем прислали для этого специального человека с лазерными ножницами. Это, наверное, было единственным занимательным событием.

Приходили и различные психологи. Даже больше, чем обычно. Они, как всегда, задавали абсолютно дурацкие вопросы и каждый раз он достаивал их одним и тем же улыбающимся смайликом. Когда совсем доставали - начинал неуместно шутить.

Кажется, он даже умудрился обидеть одну из аспиранток. Та спросила, чего он хочет в ближайшем будущем получить от нейросети. Он ответил почти честно - чтобы у него появилась возможность пригласить её на ужин и затащить в постель.

Та, наверное, хотела ответить ему что-нибудь неприятное, но сдержалась. Просто молча ушла.

Он еще долго про себя смеялся. А еще психолог... Будучи не способным чувствовать ничего, кроме руки, он никогда не испытывал полового влечения. Даже психического - ему это было банально неизвестно.

Потом приходили журналисты. Они долго его мурыжили под жадным взглядом магната. Тот, наверняка проспонсировав операцию, уже подсчитывал будущие барыши. Наверное, мысленно

благодаря тому дню, когда взял под свое крыло сироту-инвалида.

Наконец, его одели в специальную робу, накачали какой-то гадостью и отправили по длинному коридору. Он медленно терял сознание, пропадая в глубоком, вязком омуте. Впервые в жизни, он не сопротивлялся этому чувству. Наоборот. Он распахнул объятия на встречу этому омуту. Последнее, что он увидел - обеспокоенное лицо молодой санитарки.

Ему снился сон.

Он летал над огромными просторами из ровного, зеленого моря. Так ему казалось сперва, а потом, приглядевшись, среди моря он различил огромные горы, подпирающее небо. Прекрасные города, настолько большие, что могли бы вместить в себя некоторые страны. В небесах парили странные животные и, кажется, даже драконы. А зеленое море оказалось лесами, долинами и лугами. Синие вены - широкими реками, больше напоминающими вытянутые океаны. А моря же - они были размером со звездное небо.

Дул ветер.

Приятный ветер.

Ветер, обещающий исполнить его единственную мечту - быть свободным.

Дурацкий, глупый сон.

Но такой приятный.

Его вернула в реальность боль. Его старая приятельница. С ней он был знаком лучше, чем со многими людьми. Его жгло и крутило. Раскаленный прут приложили к нервам, а расплавленное железо влили в каждую клеточку его тела.

- Давление растет!

- Нейроактивность зашкаливает.

- Пульс... двести пятьдесят ударов в минуту!

- Мы его теряем.

Он слышал все эти голоса откуда-то издалека. Они звучали так же приглушенно, как и крик. Далекий, почти неслышный. Так он впервые услышал свой голос. А вместе с ним, среди размытых лиц, непонятных очертаний множества приборов и зеркала, в котором отражалась его рассеченная голова, трепещущее информационное окно.

Такие он часто видел на экране своего ноутбука.

[Нейросеть активирована. Версия 0.17.6. Состояние носителя критическое!]

- Остановка сердца.

Затем все померкло. Только потустороннее ощущение. От него ему становилось смешно. Наверное, кто-то открыл двери в операционную и ветер обдувал пятки. Он раньше не знал, что это так забавно.

<http://tl.rulate.ru/book/6918/127434>